

Канат Омар
КАБЛОГРАММА

Москва

2008

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

Руководители проекта *Вадим Месяц*
Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

Омар Канат

Каблограмма. Книга стихов / Серия «Русский Гулливер». /Литературный клуб «Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2008 — 80 с.

ISBN

© Омар Канат, 2007
© Львовский С., 2007
© Каганова М., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

об авторе

Канат Омар родился в Павлодарской области в 1971 году. Закончил Санкт-Петербургскую Государственную Академию культуры по специальности «режиссер киновидеостудии». С 2001 в Астане. Публикации с 1988 года в журналах «Арион», «Воздух», «Новая Юность», «Простор», «Аполлинарий», сетевых журналах TextOnly, РЕЦ и др. Участник антологий «Явь и сны: Новая поэзия Казахстана» (2001) и «Освобождённый Улисс: Современная русская поэзия за пределами России», а также ряда коллективных сборников. Автор трех книг, опубликованных казахстанскими издательствами. Участник московского Биеннале поэтов-2003

предисловие

Из-под воды

Смеющаяся рыба не только походила бы на нас — она смеялась бы над нами — ужасающая штука.

Э. Уайнбергер

Уильям Кук и Чарльз Уитстоун, получили патент на телеграфную связь в 1836 году. Через три года после этого, в 1839-м, появилась первая рабочая линия. С этого момента началось обсуждение идеи трансатлантического кабеля. Уже в 1840 году Сэмюэль Морзе высказал уверенность в том, что со временем такой кабель будет проложен. На эксперименты ушло десять лет, и в 1850 году первый подводный телеграфный кабель соединил Англию и Францию. В том же 1850-м Епископ Джон Т. Мулок, глава Римско-Католической Церкви Ньюфаундленда, предложил провести телеграфную линию через леса от города Сэйнт-Джонс до мыса Рэй, а затем проложить оттуда подводный кабель до Новой Шотландии через пролив Кэбот Стрэйт.

Публикации Каната Омара в сколько-нибудь доступных широкой публике изданиях можно пересчитать по пальцам одной руки. При этом «Каблограмма» — третья (а если считать первый самиздатский сборник 1989 года — то четвёртая) его книга. Конечно, внимательный читатель современной поэзии мог заметить публикации Омара в «Новой Юности», «Арионе», «Воздухе», сетевом журнале TextOnly или в антологии «Освобождённый Улисс». Но сколько-нибудь представительный корпус текстов российскому читателю до сих пор представлен не был. В том, что касается русских поэтов, живущих за рубежом (пусть даже и на пространстве бывшего СССР) это, в общем, не такая уж редкая ситуация. Часто это связано с тем, что поэт, оказавшийся вне российского культурного пространства, работа-

ет с поэтикой, далеко отстоящей от «нерва» культурного пространства языковой метрополии. Иногда такая работа на дальних полях случайно задевает этот самый нерв, иногда этого долго не происходит. Бывает, что попечением хорошего издателя, плоды долгой работы на (кажущейся) периферии вдруг оказываются в центре внимания. «Каблограмма» этого более чем заслуживает.

Примерно в то же время похожая идея пришла в голову Фредерику Н. Гисборну, инженеру-телеграфисту из Новой Шотландии. Весной 1851 года, Гисборн получил грант от властей Новой Шотландии, основал компанию и начал потройку наземной телеграфной линии. В 1853 году компания разорилась, а самого Гисборна арестовали за долги. В 1854 его познакомили с Сайрусом Филдом, который, после консультаций с Гисборном, предложил более масштабный проект: прокладку кабеля по дну Атлантического океана.

Одна из самых заметных особенностей текстов Омара — их многоголосие. Оно, с одной стороны, буквально. Здесь Введенский («просыпайся бегомот / житель выжженных болот / отвечай без промедленья / олин ты или ты ленин») перекликается с Айги («снегопад во всю ширь»), а отсылка к Мандельштаму (хрипит сверчок а море бьётся ровно / гремит сверчок а море море бьётся) соседствует с почти Звягинцевым («месопотамия моя / зачем ты вся be-bop-a-lula / такая выгнутая вся / на цыпочках и фу-ты ну-ты»). С другой стороны, это многоголосие вовсе не ограничивается свободной игрой культурных ассоциаций. Звук и голос для Омара вообще необыкновенно важны. Медсёстры «раздают инвалидам и детям / нет не ампулы смерти / а смех с хрипотцой», маленький самаркандский базар «визжит в истоме полудня», Тутчев грохочет, простыни хлопают на ветру, прозрачные колибри стрекочут даже под водой. Мир предстаёт иногда какофонией, а иногда симфонией голосов, которые маркируют индивидуальность не только тех, кто говорит, но и тех, кто вовсе лишён речи. Говорение в этом мире присуще (и то не всегда) только авторской инстанции, а все остальные, хотя и ведут разговор, но нечленораздельно. Маленькая девочка лопочет и гулит, а рыба, плывущая к ней в ладонь кричит ей: «я юки юки алло алло», пытаясь назвать себя. Девочка ничего не слышит, разговор не происходит, не выпрастывается из агуканья, и дальнейшее оказывается молчанием «на снегу / в декабрьской степи / где и сугробы в диковинку не то что единороги».

Слышащий окружён бормотанием, шумом, дозязыковой стихией, из которой вдруг иногда выплывает случайное «да» или другое, такое же короткое слово. Выплывает, выныривает на поверхность, как бы из-под воды, хорошо, как известно, проводящей звук, но непригодной для обмена голосовыми сообщениями.

Филд ничего не понимал в прокладке подводных кабелей. Он, однако, проконсультировался с Морзе и со специалистом по океанографии, лейтенантом Мэтью Маури. Филд включил схему Гисборна в свой план в качестве первого этапа более масштабного проекта, после чего начал переговоры с властями Нью-Йорка и Ньюфаундленда, а также с Лондонской Телеграфной Компанией о прокладке трансатлантического кабеля. Сначала нужно было проложить кабель между Сэйнт-Джоном и Новой Шотландией. Первая попытка, предпринятая в 1855 году, закончилась неудачей (баржа, с которой клали кабель, затонула), однако уже на следующий год первый подводный телеграфный кабель связал мыс Рэй и бухту Эспай.

Поэтика Омара — это прежде всего поэтика мелких деталей. Не «простые истории», которые, как известно, можно найти behind everything, а ещё более мелкие дребезги, не складывающиеся в связный нарратив. Случайно увиденная пустая стограммовая бутылочка из-под коньяка в лифте многоэтажки хотя бы может постоять за себя, рассказав свидетелю обстоятельную историю о том, как устроена жизнь человека, который выпил её за пятнадцать минут до того, как мы её обнаружили. Омара интересуют вещи, которые могут связать буквально два-три слова, не больше: не фильм с Настасьей Кински, а «кусочек киноплёнки», «Водосточная букваца», «чёрный бархат родинки», «ватмана дряхлого кусок», «носовые платки однодневки», — вот они, настоящие герои этих текстов, которые не могут сказать, не говорят, а только протягивают руки. Почти каждое стихотворение книги вслушивается в эти жесты отчаяния и беззвучные мольбы о произнесении. Омар не делает вид, что он всегда разбирает, что хотят сказать эти «маленькие люди» мира вещей: если слышит, то честно переводит, если нет, — оставляет читателю чистую фиксацию жеста, без мне-кажется-интерпретаций. Вдруг читатель разберёт то, что не удалось разобрать автору. Шанс всегда остаётся, пластика предметов не просто разомкнута для перевода и пересказа, а разомкнута зачем-то: всегда есть шанс понять, что действительно про-

изошло. Платки — однодневки, «игрушки пускаются в пляс / и сразу же догорают», но важно другое: всей этой мошкаре есть, что сказать, их можно понять правильно или неправильно, точка отсчёта существует.

После удачного завершения первого этапа прокладки кабеля, Филд направил основные усилия на трансатлантическую часть проекта. Часть необходимых средств была выручена от продажи акций Атлантической Телеграфной Компании. Четверть необходимого капитала вложил сам Филд. Первый кабель был медным (26 кг/км), с трёхслойным гуттаперчивым покрытием, которое само по себе весило больше кабеля: 64 кг/км. Кабель был изготовлен совместными усилиями двух британских компаний: — Glass, Elliot & Co., базировавшейся в Гринвиче, и R. S. Newall & Co., чья штаб-квартира размещалась в Ливерпуле. Британское правительство субсидировало проект в размере тысячи четырёхсот фунтов в год, а также предоставило корабли для проведения работ. Филд также получал субсидии от Конгресса США (соответствующий билль был принят большинством в один голос).

Книга Омара — о коммуникации и о её невозможности. Автор (или кто за него) вслушивается в голоса малых сих, но, кажется, не различает речи. Не потому что его слух недостаточно хорош, тем более не потому, что он прилагает недостаточно усилий. Просто «рядом мигает немое кино / и вырваться невозможно», соблазн чистого видения не то, чтобы слишком велик, а просто «варварская роспись дня» застит, вспыхивает заново, «не пройдёт и недели». Там, где «родители хотели стать разведчиками», увидеть, дети оказываются «спутниковыми наводчиками / матерными переводчиками», то есть, их зрение и едва обрётённая речь сужаются до небольших секторов. Внуки и вовсе шастают «по окраинам / завывающих руин эпохи раннего / канныализма постиндустриального сверхточечного». Проект распознавания образов и превращения их в речь терпит неудачу, возвращаясь в до-речевое, тёмное, воющее пространство: в панкеевский детский сон, к игрушечным, но зрячим, видящим тебя, и оттого бесконечно страшным волкам Мандельштама.

Первая попытка, предпринятая в 1857 году, окончилась неудачей. Кабель, который прокладывали специально оборудованные для этой цели корабли «Ниагара» и «Агамемнон», порвался сначала в первый же день, а потом, после ремонта, оборвался снова

на глубине в 3 200 метров. Предприятие было отложено на год. Следующим летом, после ряда экспериментов в Бискайском заливе оба корабля снова вышли в море с тем, чтобы встретиться в центре Атлантики. 26 июня кабель снова порвался — в первый раз на расстоянии пяти с половиной километров, затем во второй раз, — когда было пройдено уже сто километров и, наконец, в третий — на расстоянии трёхсот семидесяти километров от берега. Корабли вернулись к месту дислокации чтобы предпринять ещё одну попытку, которая увенчалась успехом в десятых числа августа. Шестнадцатого числа королева Виктория послала президенту США Джеймсу Бьюкенену поздравительную телеграмму, в которой выражалась надежда на укрепление связи между нациями, «чья дружба основана на общих интересах и взаимном уважении». Президент в ответной телеграмме отметил, что прокладка трансатлантического кабеля — «это триумф более важный, нежели любой из тех, что были завоеваны оружием, поскольку он более важен для человечества». «Пусть трансатлантический телеграф (да благословят его Небеса), — писал Бьюкенен, — свяжет родственные нации узами вечного мира и дружбы, станет инструментом Божественного Провидения в деле распространения религии, цивилизации, свободы и закона по всему миру».

Только там, где моментальный фрагмент настоящего обретает рану, стигму, ангину, — там паттерн из вспыхивающих и гаснущих огней схлопывается в точку: «так моя девочка так только так только так только так». «Бунт согласных и гласных» бьётся в припадке только там, «где уже катастрофа». Где опыт получает предельное измерение, там не говорящее обретает речь. Осторожную, тихую, но уже речь, размечающую пространство, расставляющую «запятые и паузы / чтобы не ранили воздух не дышали не двигались», слишком осторожно, но расставляющую вешки, уже не справляющуюся без грамматики, уже додумавшуюся до синтаксиса, выросшую до морфологии. Книга заканчивается вот чем:

*повисли паузы на меху
на сучьях января
воздух дымится на солнце
недоумевает о чём это они
серебряный от мороза*

*день топчется на месте
пошатывается и сопит
тычется в стекло*

*вдруг кто-то или что-то
прошелестит в воздухе
вот-вот
и вздрагивая и недоумевая
всё медленно рушится*

Каблограмма — это телеграмма, переданная по подводному кабелю. Систола, диастола, точки, тире, цезуры, перебои, нерегулярный стих. Образ рушится не к смерти, а к речи, рыба обретает голос, немое находит, в конце концов, слова, — нравится нам это или нет. Так устроена не только поэзия, но и жизнь вообще.

Станислав Львовский

конский череп летящий
над городом
прочь
очень похожий
то ли на жизнь мою
с обветренными губами
рвущуюся всё куда-то
на диком ветру
то ли на взгляд
из-за спины
пытающегося заглянуть мне в лицо
(а где оно это лицо)
почему-то

стихи
из резервации

* * *

как контуры всплывают исподлобья
чудовища с цыплячьим пухом
головастого выдувающего из корыта
взгляда твёрдый пузырь
столь долговечный
что хочешь сказать фотоплёнка
а выходит не то минотавр
не то отравлен
потерян давным-давно
забыт в картонной коробке
вперемешку с пыльными катушками
рассыпающимися конвертами карандашами
как всплывают

* * *

знаешь я слышу уже раздаётся зари барабан
стражники входят засовы сипят парус хлопает в море

думаешь это я говорю это он говорит
кто это он я не знаю не знаю ответа

выдуюшь парус пузырь на губах пусть летит задыхаясь
вот коровы мычат бурлит молоко падают фрукты

выдохни раз и замри на задворках у шороха
охает филин и вот снегопад во всю ширь

* * *

упрямая повестка из месткома
в лицо хрипит астматик *это то же*
что миллион прицельных чебурахов
хрипит сверчок а море бьётся ровно
гремит сверчок а море море бьётся

пусть брюхо облаков рвёт телеграфный столб
пусть виснут ключья птичьих перестрелок
за поворотом вспыхнет и погаснет
прогромыхает чёрной коробочкой
в стеклянном пузе выдумав тебя

откуда ни возьмись
краплёных возгласов шары
на ниточках клубятся что цыгане
золотоволосые о чуде бормоча
твоих шагов и горько усмехнёмся

через перила свесимся в фонтанку
на барже бар и склянки на соплях
что этот звон прозрачный ворожит
над заревом из солнечного жира
и кляксой радуги сереющей уже

* * *

С. и Г.

книга гремит и грохочет
железная книга рассвета
ржав и непрочен
буквицы водосточной
промельк и шорох у мочки
уха в рисунке растрелли
я опрокинут растерян
всё это вновь воочию

серые сёстры
здравствуйте навзничь в канале
окающим осётром
брезжушие далее стёрто
жабрами хлопая мёртвыми
крытые жостью хрипит икая
лётчикам вслед викарий
пачкаясь горлом распоротым

* * *

И. К.

так пахнет яблоко
или оливки (в египте
намного нежнее чем на крите)
так красное сухое
пьют пробуждаясь от ветра
думая всё о том же
как дотянуться губами
вырваться из окружения
взорваться
размазаться помидором (вернее
томатом)
в луже из запаха яблок
где рисовальщик фонарь

* * *

Я. П.

как будто игрушки пускаются в пляс
и сразу же догорают
жмурясь на солнце стоит паровоз
в квадратиках жёлтого с бурым

под ёлкою хнычет гниющий пьеро
ноги ему обломали
серые тени рыщут кругом
сомнения как вороны кружат

а рядом мигает немое кино
и вырваться невозможно
хлопочешь о ветре ты парус проснись
и вот уже догораешь

* * *

глоток вина а на закуску дым
разбудишь голосом глухим
глухого глуше лес глухой
кто отзовется за горой

гребите гребнями в гарем
горим ребята
окно грызёт зари костром
ревёт работа

просыпайся бегемот
житель выжженных болот
отвечай без промедленья
олин ты или ты ленин

рыбы рты пораздирали
сдулись тотчас
скачут синие деревья
что не часто

* * *

воображаю себе лето
крадучись выкурить сигару
из листьев коки растафара
и долго думать ни о чём

ах эти девочки конфетки
желаний стыдных марионетки

месопотамия моя
зачем ты вся be-bop-a-lula
такая выгнутая вся
на цыпочках и фу-ты ну-ты

ах дни денёчки перепёлочки
в костюмчиках с иголки

пока в горах грохочет тютчев
кругом гремит горащий
рыбы рыбы куда вы с разинутым ртом
в дыму и паузах разрывов

* * *

долгие долгие очереди
в маленькие лаборатории
выкрашенные в свежее бежевое
просушенные феном
где с тугой накрахмаленной кожей
выглаженной без единой морщинки
неслышно
сестрицы в коротких халатах
дышащие медицинским спиртом
раздают инвалидам и детям
нет не ампулы смерти
а смех с хрипотцой
пляску склянок в стеклянном шкафу светотени ложбинки

* * *

о принцесса будур
с чёрным бархатом родинки
над влажным
над выпуклым очерком губ
выходящая из дымных дверей
общественной бани
выносящая в прозрачных шальварах
всё о чём грезят курильщики опиума
этот очерк стоящих торчком
всем напоказ
этот визжащий в истоме полудня
всеми красками всеми запахами
маленький самаркандский базар
неосязаемый
проходящая улочками
замершего от восторга и ужаса
города
белого и бесстыдного
в жаркие щели меж ставен
подглядывающего
хрипло

* * *

рептилия в промёрзшем замке
а ластиком сотру себя
с слезящегося от ветра горизонта
облегчив кругозор объять
одним летящим быстрооком
тому кто следует повсюду
не отступая ни на шаг
оставлю только вытертый местами
ватмана дряхлого кусок
не пробежит и недели
варварской росписью дня
вспыхнет он заново
сколько пепла не сыпь
сколько не посыпай пути-дорожки
песочком
а тополь по-прежнему
в реку тарашиться будет
угадывая времени полёт
в алгебре арабесок над головой
там
где минуту назад их ещё не было

* * *

упругим воздухом разбужен и отброшен
на полглотка от толстого стекла
ошеломлённого не то в калошах
тотошею не то брусчатка крошится
стих сыпется подошва едет вниз непрошенный
вломился шелопут в строку и вот не складывается
не вяжет лыка морщится не то не то ослабившись
по самое горло затянут песками

жёлтая жётся рука проступают ожоги
на запястьях предплечьях и праздных лопатках
лопается на зубах твёрдый крыжовник
медленно очень медленно брызги разжёвывая
лягушачью кожу с кислоткой прожжённую
до которой девицы поди и лисы падки
посмотри сквозь щель в заборе шевельни висками
море свирепо сопит и опадает плескаясь

ступает как пепел по залитой солнцем воде
по серой тропе через просеку к лесу
который от шороха дрогнув грохочет кто где
в ужасное утро сырого как смерть понедельника
худых очертаний халатик сорвёт и отдельную
соткётся фигурой вопроса откуда здесь крейсер
на залитых страхом бульварах и в улочках кесаревой
причуды сквозистой в которой никак не согреться

город завис над собой в дымящихся лужах
на бульжных мостовых и площадях
влажной анфиладой ведущей к морю сужен
зрачок что по замкнутой кружит
а узел всё туже и туже

уже не развяжешь в горячке дыша
не разгрызёшь не просунешь стержень карандаша
в дырку откуда ветер в двух от тебя шагах

рыцарь пера и DVCPRO
рот растянул и пузырь выдувает
пучит глаза швыряется просом
в самое небо и вдребезги просто
или не вдребезги ухватился за простыни
хлопающие на ветру с одеяньем
срамным там с подвязками трусиками няни
детсадовской от мокрых пощёчин пьяный

в пене по горло с отвёрстою раной
медленно переплываешь коцит
так же нага и застыв своенравно
так же хоть вся уже облако рваное
мира коснуться не хочешь не равен
твоему мизинцу киваю простыв
на сквозняках и укутав бесстыдно
шею таскаюсь под сводами стылыми

СТИХИ ИЗ РЕЗЕРВАЦИИ

пустоши полузатопленные пыльной
из-за пылающей смердящим воплем электростанции
водой как и прежде грохочут беззвучно
под дымящимся блеском копыт
в задушенном хрипе неразличимом
на многие дни перехода в степи
неизвестно откуда без всякой причины вслед солнцу
рваных всадников наблюдая в себе
в тусклой сфере в которой
давным-давно распущенные ветром
уже размытые одно воспоминанье
хохочут облака
над местом моря

кусоч киноплёнки с настасией кински
плывущей по замершим кадрам
болтается в луже
прозрачным и чёрным
скрученный парусом
или кольцом
сжатой как мокрый живот неудачи
рядом шоссе
где верблюды бредущие с камы
грубо трубят
о постколониальных причудах
готовых во всём угодить пригодиться в хозяйстве
запертых до поры в коробчонках

точно взаправду
будут шататься рыдать каждый раз
удаляясь из виду
города

растекаясь по стёклам
и ты соглашаешься да кошмар расстояний
дальше провалы в памяти
зубовный скрежет откуда-то снизу
девочка в кургузом пальто
носком ботинка трогает лужу
отчаянно смотрит на серую стаю
приближающуюся постепенно
и не решается

ветер ей ругань швыряет в лицо
рот раздирает и сгрыз до корней
до синевы беспробудной
веки прогульщицы неженки сладкоежки
ей же и дела нет
успеть бы только на поезд
отходит ровно в четыре часа
в сторону моря
только оставить записку
хоть в привокзальном буфете
так в силу привычки
расставлять запятые и паузы
чтобы не ранили воздух не дышали не двигались

весопляс на ветру

*След у ручья, летящий тополь —
Нечто обратное действию ластика.*
Кирилл Случайный

* * *

а вчера весь этот город
просто высосан на воздух
просто выплеснут наружу
весь исхлѣстан этим слухом
а сегодня все соседи
говорят пускай в сарае
пусть там спят какое нам дело

* * *

смуглый цветок
задыхаясь дрожишь
на кончике языка
распускаясь
горячим пупком
раскрывая
влажные свои с кислинкой
лепестки свои
срамные

* * *

девочка не хочет хлеба не хочет хлеба хлеба не хочет с маслом
а только варенье
а только малиновое

это ангина ангина ангина
булькает
из-под одеяла мокрый от чая с лимонными косточками

носовые платки однодневки
бумажные носочки носки
девочка девочка девочка

тяжкое одеяло приподыми распустишь бумажным цветком
халатик раскрой

тоже бумажный летучий отчаянный
чресл горячим коснись

так моя девочка так только так только так только
так

* * *

только

похоже

на

поджавшую ноги толпу

только только уже катастрофа
стадо храпящих в падучей
на площади перед дворцом старика президента
без царя в голове
храп и смерть сухарей с майонезом печали

бьётся в припадке
бунт согласных и гласных
острых и влажных
сухих и не очень
тчк

тчк

тчк

КОНЦЕРТ ДЛЯ РЫБ

прозрачные колибри
стрекохут под водой что твои стрекозы
плавничками пропеллерами
вслед плывущей в восторге по лупоглазому залу
девочке
бессмысленно лопочущей гули гули

чу бурый иглобрюх
чего-то хочет
крылатка-зебра пялится надменно
едва колыша дротики свои
вот жёлтая длиннорогая коровка
маленькая торпеда
со шлейфом реактивных пузырьков
рыба-камень
стережёт продолжения лиц за стеклом

а там смотри-ка
подмигивая всем тельцем
так и вертится так и рвётся
девочке на ладонь
к ней на поцелуй
японский кузовок
орущий ей я юки юки алло алло

но ничего не слыша
девочка переходит от аквариума к аквариуму
в луноликом океанариуме
играющем бликами
огромного изумрудного купола
на снегу
в декабрьской степи
где и сугробы в диковинку не то что единороги

* * *

кто хрипит в анфиладах глухих
на мраморных лестницах
горящих послеполуденным сном
в унисон храпу здешних богов
дымящийся всклокоченной шерстью
в лучах пыльной бури
у пуленепробиваемых окон
судорожно всхлипывающий
чующий там за поворотом
ещё одна чудесное подношение
солонватая
тревожащая воздух грудью
ранящая сумерки

дышащая ещё

потерялось запуталось
где-то следом за ним топоча
на коротеньких ножках копытцах
эхо дитя
с волосатым лицом
щурясь на солнце
что-то там помыкивая себе под нос

* * *

потянуть порфиру выдернуть разруху
дуться на погоду и уйти под воду
потому что небо застыт самолёты
или это плёнка с дырочками вдоль

лузгать сажу и вой путей сообщения
никуда отвечать никуда ниоткуда
и покуда ко рту тянет этих верблюдов
караван невесомых отвечать никуда

выдохнуть горечь на трезвые стёкла
скрип загогулины пальцем прижать
к мёрзлomu полуживому пейзажу
и визгливой каракули выжать слезу

шелестит и сверкает пусть ворон кривляка

* * *

щастие шепчу я щастие
щастие шепчу я невозможно
невозможно вслед шепчу кому-то
щастие куда ты закатилось
дымчатым комком домашней пыли
колобком из грубой шерсти
сумерек шотландии моей

оглянешься и до свидания
вниз головой вниз головой
в колодец утра воскресения
прозрачной скуки над водой
без головы и в никуда
покуда вдребезги проснувшись
не крикнешь *да*

да здравствуй утро воскресения
плечистый полдень ни о чём
пусть ни о чём мне нипочём
а не о чем так ничего
ни почему ни отчего
и не пытай ища значенья
ни эту светопись ни этот снег с деревьев

* * *

читаю за чужой порог лечу
доброволец луны
насекомое кровососушее
нет бы кузнечиком зеленобрюхим
или там черноголовым сверчком
за посудным шкафом сияющим матово
шерстью играя
тёмных песенок искрами и шарами
нет же лечу
дышу всеми дырами дырочками боками
сока растений полночных алкаю
разбуженных лунной атакой
всхлипами ртути и воем

* * *

бормотать вслед за тобой

*кумлиусы хумлиусы
куламанибусы
нимбостратусы*

бормотать бормотать

*лето испарения влаги тихо тепло
грозовые
кратковременный дождь снег*

бормотать

бормотать

бормотать

* * *

прикосновений оклики и всхлипы
долина долгих тянущихся рыб

на пальцах оступаясь замерзая
скользя по корке ледяных перил
на сквозняке танцуя и срываясь

с балкона свешиваясь вниз

высовывая кончик языка
и медленно раздвоенным свиваясь

пейзаж на блюде пробуя на вкус
и дёргая за уголки и мочки

а снизу мгла струится и визжит

гремучая клубится и рыдает
шипит в изнеможении
глотаёт слизь и пятки лижет

О

Ч

Н

И

С

Ь

* * *

стихи писать на девичьих коленках
вишнёвую настойку выпивать
и медленное длить преобразование
зеркал и сумерек отрывистые тени
разрывы озера внизу под облаками
летающую фигурку ни о чём
и влажные следы на подоконнике

трамвай кондуктора афишу побережье
шершавый парапет и белые ступени
окинуть взором опрокинуть
ощупать оком и слизнуть
соринку солнечных причуд
на самом кончике июля
свисающего с языка

грызть воздух выдувать игрушки стеклодува
держат на трубочке огромный шар зари
до первой стражи прятать отражения
открыть альбом и выпустить наружу
пусть крутится пусть вертится пусть тает
под потолком зависнет на чуть-чуть
и лопается кожицу сдирая

* * *

всевидящее око
разлуки и беды

как неосторожно

ухватить замызганный мотивчик
бормотать невпопад
избавляясь от привкуса гари

сплёвывая сквозь зубы

пожимая плечами
морщась от сырости

каблограмма

эта жизнь эта ветошь

на ветру на гвоздях

на закат по реке

* * *

плести словеса карамели
угадывать зеро
опрокидывать свежеструганные скамейки
на аллее в парке у моря
у того самого
с дворцами по пояс
где уже не услышишь шуршанья извёстки
всё в прорехах
как воздух дырявого сада
гербарий беззвучный
невесомый как утро
стоящая в горле
вода

* * *

оставил худое знамя
в палатке едва живых
заправил штаны в бахилы
и вышел затылком прочь

кружили какие-то птицы
над самую головой
но он их не видел не слышал
как будто и он не он

он топал себе и топал
пока разгоралась заря
и было всё это быть может
хотя бы для эха не зря

* * *

«... отошёл, и где он?»

Иов, 14:10

нам всё о нём напоминает
мы думаем который час
какой ночи
или заря уже идёт
кто там в ворота невпопад
постукивает равномерно
поскрипывает
то здесь то там
то на крыльце то на веранде
как будто осень на дворе
и сумерки полгода

вот вот опять не слышишь нет

нет?

* * *

18 октября

идёт навстречу вот уже подходит улыбается
в сыром пальто
колеблющемся как янковский
в италии промозглой

где мой дом

протягивает руки
сквозь проходит
и рюмки поднимает со сметаной

где дом и где река

и почему так вырваться на воздух
по лестнице по лестнице бегом
шатаясь рот зажав

глаза на мокром месте

и всматриваться в лица как ребёнок
и ногти обломав о рваный камень
мычать

никто не скажет никто не виноват

* * *

вот юноша скачет на белом коне
на белом коне и по белой равнине
и в белом на белом едва ли он видим
но мчится куда-то и вряд ли ко мне

он скачет и скачет а мачта скрипит
откуда смотрю я тепло и не дует
но скачет мой всадник покоя не ищет
и хочешь не хочешь а сердце болит

он шорох он ластик на белой бумаге
себя забывая и встречных не помня
он нижег пространство на белую нитку
и воздух клубящийся разрывает

куда он и кто он какое мне дело
коль хочет пусть в белом на белом по белому
бумагу наклею на серые стёкла
и выйду во двор и сверну в переулок

* * *

1

дырки в сугробе дырки в судьбе
рыбы восходят струясь на морозе
серые шубы примёрзли к реке
сны трепыхаются и не даются

оттепель разве и та невпопад
снежная баба с обрыва навывлет
в самое сердце солнце стоп-кадр
рушится навзничь

некуда никуда не вернуться
отвернуться и морщась ногою возить
в вязкой луже двора содрогаясь от ужаса
задыхающегося шахматиста

где-то здесь оборвётся и выключат свет
пробегут под окном конькобежцы
а она приходит и стоит за стеклом
и лицом к нему прижимается

2

воздух замер в предчувствии
снег искушает природу
в город доходят вести
о замёрзшей в озёрах рыбе

об огнях блуждающих в море
рядом за дверью в лесу
откликающихся на шорох
медлящих хлопьев

и по звуку из-за горизонта
из густеющего синего страха
наплывающего незаметно
оседающего на лица

губ сжимаемых лепку
различая в природных явлениях
замешательство форм
зазевавшись вдыхая

бог с ней с этой австралией
думаешь здравствуй морозное
смена погодных условий
времена бесконечного года

тянущимся карбышевым
у костра с космодемьянской
замерзая длиться в воздухе и длиться
бесконечно

* * *

А. А.

*на третий день всплываешь как лицо
утопленника
в ряске в перламутре
яиц подводных гадов
и лягух*

на третий день утопленник всплывает
на третий день колышется и режет
на третий день лицо твоё маячит
твой профиль режет глаз

не убежать не охнуть не растаять
снеговиком с мороженой морковкой
под мышками под веками твоими
под верхнюю губой

сквозь твои пальцы не протечь ослепнув
горячим звоном в голове
в ложбинку не нырнуть не облизнуться
причмокивая не проглотить

ребёнок лижет северное солнце
какой ребёнок всадник горизонта
кто там на палочке изнемогая плачет
скатывается по подбородку

* * *

целую твои ключицы
кусаю твои губы
поднимаю тебя над головой

молоко по круглой капле
сочится
из надорванного пакета

раз-раз раз-два
кх-хм
проверка связи

предложи я прыгнуть с 8 этажа
зажмурившись и крича
разве ты не согласилась бы

* * *

сентябрь и огонь
и терпкий базилик
катать под языком
дымить над пепелищем

корою обрастать
бубнить листвою с обрыва
над бурою рекой
с бурлацкими речами

а после рухнуть в ночь
в дымящееся это
где зазвенит в ушах
в обоих у того

и вытрет он со лба
испарину и память
как город золотой
и опрокинет чашу

* * *

А. Р.

представляя где-нибудь или к примеру данию
как тот подходит к ночному проёму балкона
курит подрагивая коленкой
пуская колечки во влажное голубое над головой
на самом-то деле представляешь
самого же себя
дышащего в подрагивающее небо
(пусть ночь! пусть холодом тянет)
курящего в открытую дверь
прислушивающегося к ночным насекомым шуршащим на воздухе
засыпающего от губельной сладости
разлитой кругом
безнадёжно стекающей по пищеводу
составляющей суть
происходящего с ним и со всеми кто дышит
всматриваясь
в сосущее под ложечкой марево
подступающее ночью так
близко
что кабы не холод
черпал бы ложкой кисельной вгрызался в мякоть сырую

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

камера ищет нужный ракурс
мужик проходит с помойным ведром
бабушка с внучкой стоят у подъезда
крыса плеснула в трубе
трубу на поверхность тянет сантехник
с проточиною в голове
трубе всё равно она провалилась
дурная болезнь склизкий подвал

наезд укрупнение яркая завязь
по горло в воде качнётся шипя
под самой подошвой и видишь в разломы
асфальта как шуруется злясь
зелёный клыкастый в гремящих проходах

за домами неотложная помощь
скорая на приговор
срывается на фальцет и подумаешь не к нам ли
рвётся в дальнем квартале

переставляем штатив меняем точку
ветер приносит шуршащий китайский пакет
стёкла вынимаем протираем небо
наводим фокус на паучка

* * *

свч короткие лучи
подрумянивают оболочку
потный зельц мыслящий пузырь
дёргается сумеречный студень
рябь подёрнула сизую страну

взрывы зарева с запахом сирени
над помпеей выдранной из книжки

жители скользят и врассыпную
верещат прячутся в ладошки
ручонки заламывают рвут воротнички
сыплют кружева на зеркальный пол
оловянный солдатик роняет стеклянную балеринку
у китайского болванчика отваливается голова
катится вихляясь прихрамывая на левое ухо
причмокивая на ходу

эхо высоко далеко неправда

рушится замок-оригами
шостакович пробивает потолок
ковьялет постанывая верди
полыхает эрмитаж александрия
завывает левитан в тарелку

*что нам делать некуда деваться
что ли за море горящий авиатор
с яблоком печёным на плечах*

щёлк! и тумблер гасит сумасшествие
вы свободны и бедром толкнёт

девочка в халатике крахмальном
девочка с коленками навывпуск
в карнавальном колпачке
запнувшись

* * *

чашку наполняю чаем
как небо наполняет двор
так же неумело и точно
как грубый мастер лепит форму
из сумерек и голосов
там у скамейки
под вязом
рядом с урной облепленной пеплом
поблёскивающей осколками
да да бутлочного стекла
на мосту в полночь
над той самой рекой
с чугуными перильцами
мостовой обрамлённой казармами
покоюми служивого люда
лакеев горничных посудомоек полотёров
чьи комнатки часто без окон
или с кирпичной стеной прижавшейся к стеклу

чай остывает и медлит
недоумекает когда
он потечёт по гортани
минует в пути города
и в долине благоухающих индий
взойдёт побегом ультра-бамбук
разорвёт провода
до нервного блеска надраит палубу
прикажет выкинуть флаг
пусть помадой закрасит к премьере
разошлёт рукоплескания реляций
и отдаст швартовы

гуд бай америка
твой боцман энрико

долго расходятся круги над головой
да не долго сказка сказывается
титаник на дне
а собачки на небе
точнее в космосе
в безвоздушном пространстве
в коллапсе
как в лампочках Эдисона
вкрученные по самое не хочу
лайки не помнящие
ни снов ни родства
потерявшиеся
стёршиеся с мониторов
молчащие и медленно дышащие

* * *

как озеро себя перемогая
в самом себе отыскивая точку
в гнилом мозгу рождая самарканд
а насморком накрыт как одеялом
и отовсюду слышатся цимбалы
и цокают цикады во саду ли
давай воротимся назад

пойдём гулять по пепелишу
расплюшив нос о колбу воздуха
нащупывая портсигар

раздумывая отчего же
не улыбаются прохожие
орут искрящие ручьи
подтачивая стены
и уши ватой затыкаешь
а там ещё не тот бетховен
ещё не те ещё сверкает

* * *

в колодце ветра блеет карапуз
летает
на чёрном облаке верхом
в ревушем вихре

в зелёном небе навсегда
остаться можно
и падшим вверх вниз головой
стеречь куранты

но не для этого тебя
соткал из сгустка
грызи стекло коль по зубам
глагол без запаха летучий

* * *

где скелеты кельгов
естественно в министерстве
арктики и антарктики
вернее в музее
элизиуме обледенелого хлама
заиндевельных королевств
от кого остаётся в воздухе
капель сумасшедших криворотых
оруший абрис
замирающий на поворотах
и далее медленно и необратимо
вниз по реке
к водопадам discovery

* * *

аптекарь аптекарь
стеклянный человек
свешай кузнечика
нацеди муравьиного спирта
сплюнь и разотри
пластиковой ложечкой
но не дай рассыпаться
раскатиться химическими шариками
рыбьего жира
надорваться ослепительными ранами
отсыреть
разойтись по швам
свернуться в трубочку
завертеться в водовороте
с рухлядью дня
рушащегося в дыру
в асфальте
на углу 13-й и 47-й
в грохочущих новостройках
пока переходит на красный
в тесных шортиках

* * *

И. К.

то болеют то хохочут
рвутся прочь и бьются оземь
два весёлых бармалея
перебранки в понедельник

в мартовскую кутерьму ныряя
захлебнувшись спозаранку
вышли вон и дулись очень
на себя и на сентябрь

обормоты обормоты
обормотов полк и рота
не понятно для чего
сыплют с неба

* * *

родители хотели стать разведчиками
космонавтами первопроходцами за страну ответчиками
а дети разве только спутниковыми наводчиками
матерными переводчиками
внукам же матёрыми волками шастать по окраинам
завывающих руин эпохи раннего
каннибализма постиндустриального сверхточечного

* * *

возвращаться под солнце
у пыльной реки
в жаркие улицы
лопающиеся от предчувствия счастья
возможного разве только в детском саду
когда не догадываешься
захлёбываясь пузырьками свободы

пытаясь войти с головой
в податливый воздух
в шелест и злое сияние
застывая в сиропе
корчась от несбывшихся обещаний

этого теперь никогда
не повторить никогда

* * *

ярмарочная карусель
с серебряными кольцами канатоходцев
в тонком воздухе
вот-вот надорвётся
отстанет от стенки шуршащий язык
и вот шелестит
о летящих зажмурившихся растерянных бесповоротно

время журчит по трубам трубы гудят о своём
круговорот природы чайки рвут за окном
вышел ли шишел ли мышел
закатился под шифоньер
испарился химической формулой
куколкой затвердел
сколь ж теперь возиться легчайший хитин распрямляя

или как тот ракетчик
после взрыва одним глазом видящий небо над космодромом
другим муравья с соломинкой
в песчаных барханах
второй свисал на красной сопливой ниточке
как батискаф опущенный в маракотову шель
и совсем не болел

всё равно хлопчатобумажной кошкой
не погладит по щеке а если погладит
так оставит одни лохмотья
утирайся потом рукавом
просыпаясь как тот среди ночи
босиком на сырой балкон
бубенцы поправить и леску

крутится вертится над головой
ноздрями по-прежнему нежное чуж
рычит и кудахчет мелькает вокруг
шилом в воздухе тычет
гармошка пиликает дети орут
и выйти нельзя на ходу
шипит и потрескивает кольцевая

* * *

в поисках хлеба насущного
в паутине водопроводной
зависший на полуслове
перебирая мохнатыми лапками
всё что наплёл
эту рухлядь и ветошь
этих песенок шорох

тучи тянут с востока

возрадуемся братья
будет дождь
будет песня
на сквозняке в подворотне
в пол-седьмого

* * *

просыпаться после полудня
косматым фавном
мучаясь от изжоги
озирая обои
напоминающие то ли нормандское побоище
то ли выдохнутое смрадными ртами

мавераннахр

* * *

отскобли
амальгамы позор
вытри взор
о трубу на окраине сада
обернись и прислушайся
то ли радио у соседки то ли такой рингтон

не надо

длить

* * *

повисли паузы на меху
на сучьях января
воздух дымится на солнце
недоумевает о чём это они
серебряный от мороза

день топчется на месте
пошатывается и сопит
тычется в стекло

вдруг кто-то или что-то
прошелестит в воздухе
вот-вот
и вздрагивая и недоумевая
всё медленно рушится

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе</i>	5
<i>Предисловие</i>	7
«конский череп летящий...»	13

СТИХИ ИЗ РЕЗЕРВАЦИИ

«как контуры всплывают исподлобья...»	16
«знаешь я слышу уже раздаётся зари барабан...»	17
«упрямая повестка из месткома...»	18
«книга гремит и грохочет...»	19
«так пахнет яблоко...»	20
«как будто игрушки пускаются в пляс...»	21
«глоток вина а на закуску дым...»	22
«воображаю себе лето...»	23
«долгие долгие очереди...»	24
«о принцесса будур...»	25
«рептилия в промёрзшем замке...»	26
«упругим воздухом разбужен и отброшен...»	27
стихи из резервации	29

ВЕСОПЛЯС НА ВЕТРУ

«а вчера весь этот город...»	32
«смуглый цветок...»	33
«девочка не хочет хлеба не хочет хлеба хлеба не хочет с маслом...»	34
«только...»	35

концерт для рыб.	36
«кто хрипит в анфиладах глухих...»	37
«потянуть порфиру выдернуть разруху...»	38
«щастие шепчу я щастие...»	39
«читаю за чужой порог лечу...»	40
«бормотать вслед за тобой...»	41
«прикосновений оклики и всхлипы...»	42
«стихи писать на девичьих коленках...»	43
«всевидящее око...»	44

КАБЛОГРАММА

«плести словеса карамели...»	46
«оставил худое знамя...»	47
«нам всё о нём напоминает...»	48
«идёт навстречу вот уже подходит улыбается...»	49
«вот юноша скачет на белом коне...»	50
«дырки в сугробе дырки в судьбе...»	51
«на третий день утопленник всплывает...»	53
«целую твои ключицы...»	54
«сентябрь и огонь...»	55
«представляя где-нибудь или к примеру данию...»	56
телевидение	57
«свч короткие лучи...»	58
«чашку наполняю чаем...»	60
«как озеро себя перемогая...»	62
«в колодце ветра блеет карапуз...»	63
«где скелеты кельтов...»	64
«аптекарь аптекарь...»	65
«то болеют то хохочут...»	66
«родители хотели стать разведчиками...»	67
«возвращаться под солнце...»	68

«ярмарочная карусель...»	69
«в поисках хлеба насущного...»	71
«просыпаться после полудня...»	72
«отскобли...»	73
«повисли паузы на меху...»	74

Канат Омар
КАБЛОГРАММА
Книга стихов

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта

Вадим Месяц

Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

«Русский Гулливер»

тел. +7 495 159-00-59

<http://gulliver.commentmag.ru/>

E-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».

Издательство Р. Элинина.

Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва

Чеховский культурный центр

www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 18.02.2008. Формат 84х108 /32.

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.

Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Заказ № 1110